

C-47

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АФРИКИ

На правах рукописи

УДК 323(669)

СЛЕДЗЕВСКИЙ Игорь Васильевич

СОЦИОИСТОРИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ ЗАПАДНОЙ АФРИКИ.
ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕСТНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ
ОРГАНИЗМОВ И ИСТОРИЧЕСКОЙ СРЕДЫ

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва – 1990

Работа выполнена в Институте Африки АН СССР в секторе проблем социального развития.

Официальные оппоненты - член-корреспондент АН СССР
А.А. ИСХЕНДЕРОВ

- доктор исторических наук
Л.Б. АЛАЕВ

- доктор философских наук
И.Л. АНДРЕЕВ

Ведущая организация - Институт стран Азии и Африки
при МГУ им. М.В. Ломоносова

Защита состоится " " _____ 1990 г. на
заседании Специализированного совета Д 003.01.01 по защите
диссертаций на соискание ученой степени доктора историчес-
ких наук при Институте востоковедения АН СССР по адресу:
103777, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Инсти-
тута востоковедения АН СССР.

Автореферат разослан " " _____ 1990 г.

Ученый секретарь
Специализированного совета Д 003.01.01
кандидат исторических наук *Володин* /А.Г. ВОЛОДИН/

Институт востоковедения АН СССР, 1990 г.

Актуальность темы исследования. Одним из основных во-
просов сравнительно-типологического изучения истории оста-
ется проблема соотношения общего и особенного. В советской
науке типические, родовые черты истории человечества долгое
время отождествлялись инвариантным свойством общества тво-
рить собственную среду жизнедеятельности посредством повы-
шения производительных сил, замены трудовых функций работ-
ника средствами труда. Соответственно и общее в истории
связывалось с единством основных способов материального
производства, абстрагируемым от ее локально-неповторимых
свойств. В последнее время, однако, все более подчеркивает-
ся особая роль в историческом движении человечества локаль-
ных форм приспособления к среде, благодаря которым общество
сохраняет свой неповторимый, индивидуальный облик. Стано-
вится очевидным, что и для понимания прошлого, и для оценок
будущего человечества локально-неповторимые свойства об-
щества имеют не меньшее значение, чем общие законы социаль-
ного движения. В связи с этим растет интерес и к тем кате-
гориям, которые полнее всего выражают эти свойства, абстра-
гируясь от единства исторического процесса (локальные цивили-
зации и культуры, этнические общности и традиционные эко-
логические системы).

Проблема соотношения в истории универсально-всеобщего
и локально-неповторимого особенно актуальна для развивающих-
ся стран Азии и Африки. Историческое развитие человечества
становится все более глобальным. Однако именно в силу гло-
бализации исторических процессов особо важное значение при-
обретает локально-культурная специфика стран и народов
"третьего мира". В индивидуальном своеобразии этих обществ
заключен уникальный опыт приспособления человека к разным
историческим средам. Этот опыт является ценным достоянием
всего мирового сообщества. Важнейшей научной и практической
задачей становится отыскание оптимального соотношения между
универсальными императивами прогресса и культурным своеоб-
разием каждой страны, каждого народа. От того, удастся ли
найти такое соотношение, возможно, зависит и решение ключе-

вой проблемы стран "третьего мира": "суждено ли им в полной мере воспользоваться достижениями науки и техники, обрести тем самым силы в борьбе против неокOLONиализма и империалистической эксплуатации, или же они окажутся на периферии мирового развития"¹⁾.

Хотя проблеме связей общего (глобального) и локального (единичного) в работах советских историков и культурологов уделяется все большее внимание, о решении ее говорить пока не приходится. Еще предстоит найти подход, который позволил бы осуществить сопоставительный анализ роли в историческом процессе универсально-общего и локально-специфического, найти их место в общем ряду исторических объектов. В предлагаемых концептуальных схемах оба параметра исторического процесса увязываются обычно формальным образом как две разные типологические проекции истории: одна из них абстрагируется от локально-специфического (формационный подход), другая, напротив, отвлекается от общего (культурологический или цивилизационный подход). Будучи формальными, чисто типологическими, эти схемы, на наш взгляд, не дают ясного представления о действительном, содержательном характере связей между "универсальным" и "локальным", хотя для исторической науки особенно важен именно этот аспект проблемы. Вот почему особо важной задачей становится поиск и исследование тех исторических объектов, в которых эти связи проявляются наиболее полно, в едином ряду отношений. В качестве такого объекта в диссертации выделяется структура отношений "индивидуальное общество - историческая среда".

Предмет исследования. Основной предмет исследования - отношения между локальными социальными организмами Западной Африки в различные периоды их существования и исторической средой их развития. Основанием для его выделения служат следующие соображения.

I. Наиболее общим проявлением жизнедеятельности человека на всех этапах развития общества остается специфическое по формам и результатам приспособление к среде. Процесс

¹⁾ Материалы XXII съезда КПСС. М., 1986, с.10.

становления человечества "следует рассматривать не как смену приспособительной деятельности производственной, а как переход от биологически-приспособительной деятельности к адаптивной, имеющей в обществе качественно новый уровень и характер"¹⁾.

2. Отличительными адаптивными свойствами общества, определяющими основные направления его жизнедеятельности, являются, с одной стороны, преобразующее, адаптирующее воздействие человека на среду, направленное на приспособление общества к предвидимым условиям будущего в соответствии с определенной культурно-информационной моделью (программой) развития, с другой, - столь же активная и опосредованная культурой деятельность по адаптации общества к изменениям среды, вызванным самим человеком. Производство и культуру, универсально-всеобщее и локально-специфическое не только возможно, но и необходимо рассматривать в общем контексте развития общества как "адаптивно-адаптирующей системы" (Э.С.Маркарян).

3. Важнейшим результатом и условием адаптивно-адаптирующей деятельности человека выступает самоорганизация общественной жизни. Ее основным и универсальным механизмом является культура, главным проявлением - определенный баланс, соответствие, единство противоречивых, неравновесных процессов преобразования окружающей среды и его адаптивного ограничения. Данный механизм действует "в режиме" отбора разных вариантов социальной деятельности, разных исторических альтернатив, главными элементами которых (состояниями развития) становятся, с одной стороны, преемственность, традиция (стереотипизация исторического опыта), с другой - творческие инновации, создающие непредвиденные условия и ситуации развития.

Исходя из этих положений, социальный организм понимается как специфическая форма самоорганизации общества, отличительными чертами которой являются наличие ярко выраженных

¹⁾ Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука (Логико-методологический анализ). М., 1983, с.144.

у социальной структуры адаптивных свойств (пределов) развития, преобразование среды преимущественно в этих пределах, сохранение определенной однотипности и пропорциональности развития разных элементов социокультурного целого, обеспечение на этой основе пространственно-временной выделенности из среды локального целого.

Под исторической средой подразумеваются общие условия и результаты предметной деятельности человека: ее первичный материальный субстрат (осваиваемая человеком природа), факторы преобразования этой основы – средства труда и знаковые системы (материальный субстрат культуры), народонаселение. Историческая среда – это мир человека, творимая им "вторая" (историческая) природа. Естественно-природная сфера обитания человека и ее компоненты входят в историческую среду в качестве ее условий и факторов. Историческая среда может быть внешней и внутренней. Внешняя среда включает в себя комплекс условий и результатов адаптивно-адаптирующей деятельности человечества, не входящих непосредственно в данный социальный организм, но вызывающих прямые или косвенные изменения его свойств. Внутренняя среда представляет собой комплекс условий и результатов самоорганизации данного локального общества, непосредственное отражение его адаптивных свойств.

Отношения социальных организмов и их исторической среды рассматриваются как система неравновесных процессов-материально-информационных потоков, возникающих в результате преобразований человеком среды своей жизнедеятельности ("вход" системы) и адаптации к ним общества ("выход" системы). С точки зрения самоорганизации общества (формирования социального организма) эти отношения могут быть разделены на связи прямые (воздействие исторической среды на общество) и обратные (реакция общества на такое воздействие). В зависимости от характера реакции обратные связи могут рассматриваться как положительные (поддерживающие и стимулирующие изменения среды) и как отрицательные или регулирующие (поддерживающие изменения среды в определенных рамках).

Опыт взаимоотношений с исторической средой социальных организмов Западной Африки выбран не случайно. С одной стороны, эти организмы выделяются большим разнообразием локальных форм, богатством исторических традиций и ясно выраженными зональными различиями в приспособлении к изменениям среды, богатством культурных традиций, своеобразием аккумулярованного в них исторического опыта. С другой стороны, локальное многообразие местных культур с древнейших времен выработывалось в системе широких социокультурных связей, под активным влиянием исторических контактов с более развитыми регионами континента, при значительных, порой резких изменениях в характере внешней среды развития. Это делает общество региона весьма удобным объектом для изучения связей между универсально-всеобщей и локально-специфической сторонами исторического процесса.

Цели и задачи работы. Определяя цель и задачи исследования, диссертант исходил из необходимости на современном развитии исторического знания не описательного, а концептуального подхода к истории афро-азиатских обществ и, вместе с тем, более полного отражения в выдвигаемых концепциях культурно-исторической самобытности этих обществ. Основная цель исследования – выработка более содержательного подхода к проблеме взаимоотношений общего и особенного в историческом процессе.

Конкретные задачи работы заключаются в следующем:

1. Проанализировать отражение предмета исследования в советских концепциях "третьего мира" и "восточного общества" 60-80-х годов (историографический аспект).

2. Исследовать значение в системе отношений "социальный организм – историческая среда" исторических и культурных контактов обществ региона с обществами Северной Африки, с европейскими метрополиями и мировой капиталистической системой в целом (конкретно-исторический аспект).

3. Проанализировать типы локальных социальных организмов с точки зрения: а) динамики адаптивных свойств африканского общества в доколониальный, колониальный и постколо-

ниальный периоды; б) возможностей самоорганизации; в) влияния отношений с изменяющейся средой на характер исторического процесса (историко-типологический аспект).

Научная новизна и значимость диссертации. Взаимоотношения социальных организмов и исторической среды Западной Африки рассматриваются в связи с более общей проблемой структур длительных исторических процессов. Чаще всего в качестве таких структур историки выделяют общественно-экономические формации¹⁾ и исторические формы их реализации, локальные и мировые цивилизации, а также специфические общности, развивающиеся через механизм "центр-периферия"²⁾. Однако это лишь частичное решение проблемы, поскольку не очень ясно, какие структуры в свою очередь объединяют формационные и цивилизационные общности, системы социальных организмов мирового и локального масштабов.

В диссертации предпринимается попытка взглянуть на указанную проблему с точки зрения взаимоотношений социальных организмов и исторической среды как специфических социоисторических структур. Особое значение в человеческой истории среды и индивидуальных обществ как двух ее важнейших категорий уже давно признано в советской науке³⁾. Тем не менее собственное значение структур "среда-организм", как правило, по-прежнему становится в зависимость от формационных моделей исторического процесса, т.е. от "общего", абстрагированного от реальных социальных организмов и реальной исторической среды. Существенные (типологические)

¹⁾ Жуков Е.М., Барг М.А., Черняк Е.П., Павлов В.И. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979, с.44-192.

²⁾ К числу таких общностей на миросистемном уровне относят, в частности, современный "третий мир". - Чешков М.А. Проблемы общей теории развивающихся стран (по материалам советских исследований 50-80-х годов). Научно-аналитический обзор. ИНИОН АН СССР. М., 1988, с.34-35.

³⁾ Проблема единства и многообразия всемирной истории. - В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968, с.14-15.

черты отдельных обществ или их систем связываются исключительно с тем или иным типом производственных отношений, историческая среда понимается лишь как совокупность отдельных областей исторического процесса (экономического обмена, социальных связей и духовных контактов, синтеза культур, международных отношений и т.п.) или - шире - как совокупность окружающих человека материальных, общественных и духовных условий его существования вообще.

Недостатком этих определений является то, что из них улетучивается чрезвычайно важный и специфический момент адаптивной деятельности общества, которая, в силу опосредования ее культурой, приобретает характер диалога между индивидуальным обществом и окружающим его человеческим миром, между локально-специфическим и инвариантным началами истории.

На историческом материале Западной Африки обосновывается понимание формационного и цивилизационного типов исторического развития как двух особых способов адаптивной деятельности человека, приобретающих собственное историческое движение в процессе обособления их друг от друга. Делается попытка раскрыть динамику взаимоотношений формационного и цивилизационного моментов истории как особо противоречивого, часто конфликтного единства среды и социальных организмов - единства, которое выходит за рамки "локального", приобретает все более сложные, универсальные, иногда отчужденные друг от друга формы соиздания "второй" природы и включения ее в человеческую культуру. Структурно обособляясь, формационные и цивилизационные общности резко усиливают неоднородность и неравновесие общества как адаптивной системы, делают его развитие все более вероятностным.

Большое научное и практическое значение в данном контексте приобретает и проблема понимания отношений "среда-социальный организм", как определенных социоисторических структур. С целью разработки в диссертации выдвигается гипотеза существования особых, целостных форм взаимодействия социальных организмов и исторической среды - антропоцено-

зов¹⁾. Под антропоценозом понимается складывающееся в процессе адаптивной деятельности человека устойчиво неравновесное, протяженное во времени и пространстве, противоречивое единство группы (систем) локальных организмов с исторической средой, основанное на системе прямых и обратных связей (вещественно-информационных потоков).

Основными предпосылками антропоценозов являются: человеческая деятельность, точнее говоря, адаптивно-адаптирующая активность человека как основа формирования антропосферы — единства человека, общества и исторической среды их развития, присущая только человеку диалогичность развития создаваемых им структур, важнейшая роль в самоорганизации общества баланса его "средовых" связей.

К важнейшим проявлениям сложившихся антропоценозов, определяющим их роль в историческом процессе, можно отнести:

- наличие постоянных и устойчивых прямых и обратных связей между совокупностью социальных организмов и их исторической средой;

- образование устойчивой системы "средовых" отношений как основного внутреннего ядра антропоценоза, обеспечивающего сравнительно устойчивое соответствие инвариантных особенностей развития материального производства и неповторимых свойств культуры;

- образование на основе единства социальных организмов и их исторической среды более сложных и потенциально более разнообразных форм развития по сравнению с теми, которые обеспечиваются ступенью производительных сил, достигнутой данным обществом, или его местом в системе мировых культур и цивилизаций. Антропоценоз — это особая форма социального целого, не сводящаяся к отдельным обществам (социальным организмам) и не обладающая уровнем их целостности. В отличие от социального организма, отдельные элементы антропоценозов могут функционировать и развиваться самостоятельно, сохраняя свои качественные особенности. Возможности развития антропоценозов не основываются на стадийно последователь-

¹⁾ От греческого слова — "koinos" — "общий", "общность".

ных формах эволюции и в связи с этим рамки этого развития значительно шире, чем у социальных организмов.

Содержанием антропоценозов, с системно-исторической точки зрения, являются материально-информационные потоки (движение вещественных и энергетических ресурсов, масс населения, элементов знаковых систем и связанной с ними информации), обладающие структурной устойчивостью относительно друг друга.

Как особая структура исторического процесса антропоценоз основывается на колебательном (неравновесном) взаимодействии социально-экономических и социокультурных общностей, постепенном их размежевании, структурном разделении производства и культуры и "воссоединении" их в опосредованном виде на уровне крупных формационно-цивилизационных обществ. "Выработка" формационных и цивилизационных качеств общества происходит в ходе внутренней дифференциации антропоценоза, составляющих его прямых и обратных связей.

Понятие антропоценоза отличается от близкого ему по форме понятия общества как экологической системы (экосистемы). Под экосистемой подразумевается взаимодействие, по сути, разнородных и противостоящих друг другу начал: "искусственного" (человек) и "естественного" (природа), тогда как в понятии антропоценоза акцентируется целостное (хотя и противоречивое) единство социальных организмов и их сообществ с исторической средой, адаптация человека к этой среде в процессе ее преобразования, "втягивания" в мир локально-региональных культур.

Идея антропоценоза может представить определенный интерес при решении ряда проблем современной исторической науки. Опираясь на нее, можно полнее и конкретнее раскрыть взаимодействие общих закономерностей и локальных особенностей исторического процесса:

- дать более целостную картину развития так называемых комбинированных или гибридных общественных структур, основанных на взаимодействии сравнительно отсталых социальных организмов с развитой (в формационном и цивилизационном от-

ношениях) внешней средой, отойдя от поверхностных и несистемных характеристик ("контакты", "внешние влияния" и т.п.);

- ввести в исторические исследования понятие "ко-эволюции" - параллельного развития объекта (социальных организмов) и его среды, ведущего к появлению у первоначально разнотипных исторических явлений сходных черт и тенденций развития;

- поставить весьма актуальную для африканских стран проблему существования в мировой истории особых - квазиформационных и квазичивилизационных структур, объединенных с действительными формационными и цивилизационными системами лишь общностью внешней исторической среды.

Хронологические рамки и периодизация работы. Диссертация охватывает три самостоятельных эпохи исторического развития африканских народов - доколониальный, колониальный и период независимости. Эти периоды отличаются не только общими особенностями и движущими силами исторического процесса (что обычно учитывается в исторических исследованиях), но также - особенно в рамках локальной и региональной истории - качественной спецификой исторической среды и социальных организмов, принципиально разным характером их взаимодействия. Широкие хронологические рамки диссертации позволяют полнее уловить роль и основные черты антропоценозов как особых структур длительных исторических процессов.

Нижняя граница исследуемого периода относится к эпохе становления земледельческих культур и ранней государственности в западноафриканском регионе, когда определилось особое важное значение внешней исторической среды. В качестве верхней границы взят период кризиса постколониальных общественных структур (70-80-е годы XX в.), выявившего необходимость перехода к иному типу социальной организации африканского общества.

Методологическая и теоретическая основа диссертации. Методологической основой диссертации являются активно разрабатываемые сейчас в советской философской науке идеи

единства человека (человеческой деятельности), общества и исторической среды. Эти идеи восходят к мысли К.Маркса об отношении человека к среде как к своей неорганической природе¹⁾.

Более конкретно методологическую основу работы составляют следующие принципы:

1. Целостность мира как основа и важнейшее условие исторического процесса.

2. Принцип антропности общественного развития (антропологически ориентированной истории) в качестве отправного пункта исследования роли исторических и социологических закономерностей, путей социального прогресса.

3. Противоречивое единство социальных организмов и исторической среды, социально-экономических и социокультурных форм общественной жизни как выражение адаптивного характера человеческой жизнедеятельности (социоисторический подход).

Указанные принципы реализуются в работе в рамках социоисторического подхода.

В аналитическом плане использование и развитие данного подхода стало возможным после того, как Ю.И.Семенов и затем Ю.К.Плетников привлекли внимание к существованию социальных организмов как самостоятельной единицы развития²⁾, а формационная модель исторического развития стала все более дополняться моделью социокультурной (Э.С.Маркарян, А.Я.Гуревич, Ю.М.Лотман, С.Н.Артамошкин, В.М.Межуев и др.) и идеями биосоциального развития человека (В.П.Алексеев, Л.Н.Гумилев). Первоначально определенное в самой общей форме, понятие социального организма как категория исторической науки было затем конкретизировано и развито в работах этнографов ("этносоциальный организм"), которые обратили внимание на такие его общие признаки, как способность к самовоспро-

¹⁾ Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов. Ч. I. т. 46, ч. 1, с. 473.

²⁾ Семенов Ю.И. Категория "социальный организм" и ее значение для исторической науки. - "Вопросы истории", 1966, № 8, с. 88-106; Плетников Ю.К. О природе социальной формы движения. М., 1971, с. 57-62.

изводству и саморазвитию ("внешняя" независимость), внутреннее единство, особо тесная связь с культурными (в частности, этническими) признаками¹⁾.

Особую актуальность социоисторический подход приобрел в исследованиях проблем "третьего мира" по мере того, как эти исследования обращались к поискам адекватных определений и характеристик обществ развивающихся стран и их положения в мировом историческом процессе (А.И.Левковский, Н.А.Симония, М.А.Чешков, В.Л.Шейнис, Л.И.Рейснер, В.В.Крылов, И.Л.Андреев и др.).

В рамках собственно исторической науки данный подход стоит ближе всего к методу исторической антропологии (А.Я.Гуревич)²⁾; в более широком, философском плане он сопряжен с идеями деятельной сущности и социальной активности человека как главным принципом его взаимоотношений с объективным миром (Г.С.Батищев, Н.Ф.Наумова, Г.С.Арефьева и др.)³⁾.

Степень изученности тем. Кардинальные перемены в социальной действительности африканских стран стимулировали изучение истории общественной организации народов континента. Круг проблем трансформации традиционных обществ в колониальный и постколониальный период выделился в особый раздел истории Африки. В западной науке это направление исследований полнее всего отражает социальная (культурная) антропология, в советской – социальная история и этносоциология. Вместе с тем историко-типологическая характеристика африканских обществ остается сложной, недостаточной раскрытой проблемой; как особое научное направление она далеко не

1) Козлов В.И. Динамика численности народов. М., 1969, с.23; Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983, с.33–35, 66–70.

2) Гуревич А.Я. Историческая наука и историческая антропология. – "Вопросы философии", 1988, № I.

3) Батищев Г.С. Деятельная сущность человека как философский принцип. – Проблемы человека в современной философии. М., 1969; Наумова Н.Ф. Проблема человека в социологии. – "Вопросы философии", 1971, № 7; Арефьева Г.С. Социальная активность (Проблема субъекта и объекта в социальной практике и познании). М., 1974.

исчерпала свой исследовательский потенциал.

В социальной (культурной) антропологии основным методологическим стержнем социоисторического анализа является структурная концепция общества, основанная на прямых аналогиях между социальной и органической жизнью. Восходящая к работам Л.Моргана и развитая в сводных работах основателя современной социальной антропологии А.Р.Радклифф-Брауна¹⁾, эта концепция опирается на важную мысль о "единстве, прямой или опосредованной взаимозависимости всех явлений общественной жизни"²⁾, подчеркивает несводимость общества как целого к входящим в него различным социальным образованиям. В британской социальной антропологии органичность общественного целого связывается с социальной структурой, в американской культурной антропологии – с культурно-психологическими факторами, но в любом случае акцент делается на жизнедеятельность социального организма как целого, которая относится к разряду естественных (органических) явлений. В результате категория социального организма становится не только единицей анализа, но и основой социальной теории, призванной определить общие характеристики социальных структур.

Важно и то, что в работах некоторых социоантропологов-африканистов (например, Э.Э.Эванс-Причарда) понятие социальной структуры отождествляется с такой системой социальных взаимоотношений, в которой отдельные общности или социальные микроорганизмы (община, род, племя) продолжают сохранять свою целостность и идентичность, несмотря на изменения в составе отдельных групп. Тем самым довольно отчетливо фиксируется значение отношений социального организма и среды, как особо важного момента социальной структуры³⁾.

1) Radcliffe-Brown A.R. Methods and ethnology and social anthropology. – In: Method in social anthropology. Chicago, 1958; idem. Meaning and scope of social anthropology. – Ibidem.

2) Веселкин Е.А. Кризис британской социальной антропологии. М., 1977, с.72.

3) Эванс-Причард Э.Э. Нуэры. Описание способов жизнеобеспечения и политических институтов одного из нилотских народов. М., 1985, с.178–189, 215.

Оценивая вклад социантропологии в изучение истории общественной организации в Африке, надо учитывать, что в отличие от сторонников функционалистского подхода в западной социологии первой половины XX в., представители структурализма в целом признают факт исторической эволюции и общественного прогресса. Большое внимание в социальной антропологии уделяется приспособлению социальных организмов к окружающей среде с помощью технического прогресса. Важное место отводится выявлению общих признаков различных социальных структур путем их сравнительного анализа. Некоторые из полученных таким образом сравнительных характеристик традиционных обществ (например, идея "раннего государства" как структуры, не имеющей под собой сложившейся классовой основы) активно используются для структурного анализа этих обществ и советскими авторами¹⁾.

Неверно, однако, и преувеличивать достигнутый социальной антропологией уровень социоисторического анализа африканских обществ. Важно учитывать одну общую особенность структурализма: как определенная концепция, рассматривающая социальную жизнь по аналогии с биологическим организмом, она строится на явной абсолютизации роли в историческом развитии единичного — отдельных социальных институтов, общественных микроструктур и т.д. В результате не получают адекватного решения принципиально важные для всякой исторической типологии общества вопросы о соотношении социального института и структуры, системы социальных организмов и исторической среды.

Вместе с тем, то внимание, какое социантропологи придают обществу как конкретной реальности, развивающейся в целостности и преемственности своих основных структур, позволяет им не только приблизиться к пониманию исторического разнообразия социальных организмов в Африке, но и прямо поставить вопрос об их взаимодействии со средой как специфическом факторе исторического развития. Формирование социо-

¹⁾ Першиц А.И., Монгайт А.Л., Алексеев В.П. История первобытного общества. М., 1982, с.195; Кочакова Н.Б. Рождение африканской цивилизации. Ифе, Ойо, Бенин, Дагомея. М., 1986, с.14-17.

исторического подхода — одно из главных направлений развития современной социальной антропологии. Весьма обстоятельно в западной литературе изучены особенности функционирования, внутренние и внешние связи социальных микроорганизмов и образующих их институтов, таких, как семья, община, деревня, каста, профессия, которые изучаются строго в локальном или в региональном плане (работы П.Хилл, М.Смита, С.Надела, П.Ллойда, А.Коузена, Дж.Пейдена, А.Смока, К.Литтла и др.). Это отвечает установке социантропологии на изучение в первую очередь "простых обществ", т.е. социальных структур, относящихся к какой-то одной стадии развития, одному типу явлений. Те же проблемы, но в историческом плане (история этносов и этнических организмов) рассматриваются в работах М.Делафосса, Ж.Руша, П.Тэлбота, К.Нейра, Дж.Комптоффа, М.Ласта, А.Смита, африканских историков С.Биобаку, К.О.Дике и И.А.Акинджогбина, Б.Хамы и др. Очень важны исследования, специально посвященные взаимоотношениям локальных социальных организмов с их экономической и социокультурной средой на разных этапах истории Западной Африки (Р.Мони, М.Маловист, Дж.Тримингэм, П.Хилл, В.Хортон, Г.Николя, У.Бэском, Г.Джелл, нигерийские исследователи Э.Алагоа и М.Онвуаджегву и др.).

Сложными, противоречивыми путями социоисторический подход к африканским обществам складывается в советской науке. Формирование его связано с процессом преодоления редуccionистской трактовки движущих сил мировой и африканской истории, в которой многообразие и многовариантность действия этих сил рассматриваются лишь как проявление общесоциологических (формационных) закономерностей.

Редуccionистское понимание истории Африки абсолютно господствовало в советской африканистике вплоть до начала 70-х годов. Стремясь опровергнуть колониальные мифы о неисторизме африканских народов как исконной черте их социальной жизни, советские историки-африканисты часто переносили на Африку модели европейского или восточного феодализма, "классического" капитализма, подгоняя африканскую историю

под некий универсальный шаблон, хотя уязвимость такого подхода стала очевидной уже в 60-е годы¹⁾.

Выход за рамки редукционистских схем наметился с конца 60-х годов, когда в связи с накоплением фактического материала, критикой догматизированной схемы формационного развития и в африканистике, и в востоковедении начало складываться понимание того, что природа и пути развития африканских и восточных обществ не могут быть поняты без конкретно-исторического анализа их социокультурной организации²⁾. Как уже было сказано, выделение этого направления, ставшего основой социохисторического подхода, способствовало становлению в качестве отдельных дисциплин этносоциологии и социальной истории Азии и Африки. Основным предметом социохисторических исследований стали специфические элементы или формы социального организма на Востоке: община, каста, традиционные органы власти и управления и т.д.³⁾

В концепции хозяйственно-культурных типов впервые была поставлена проблема взаимодействия традиционных этносоциальных организмов и их хозяйственной среды (М.Г. Левин, Н.Н. Чебоксаров, Б.В. Андрианов)⁴⁾.

1) Ольдерогге Д. Западный Судан в XV-XIX вв. Очерки по истории и истории культуры. М.-Л., 1960; Потехин И.И. О феодализме у ашанти. - XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960; Орлова А.С. История государства Конго (XVI-XVII века). М., 1968.

2) Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке (азиатский способ производства). М., 1966; Диалог историков. Переписка А. Тойнби и Н. Конрада. - Новый мир, 1967, № 7.

3) Касты в Индии. 1965; Колонтаев А.П. Разложение сельского ремесла и возникновение новых отраслей мелкой промышленности в Индии. М., 1968; Социальные структуры доколониальной Африки. М., 1970; Африка: возникновение отсталости и пути развития. М., 1974; Социальная организация народов Азии и Африки. М., 1975; Община в Африке. Проблемы типологии. М., 1978; Алаев Л.Б. Сельская община в Северной Индии. М., 1981.

4) Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. - "Советская этнография", 1955, № 4; Андрианов Б.В., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования. - "Советская этнография", 1972, № 2.

Одним из важнейших результатов этого первого этапа становления социохисторического подхода явилось признание самостоятельной роли в историческом процессе взаимодействия социальных структур разных уровней и типов. В этнографии проблемы общества как структурного целого возникли в дискуссии 70-х годов о соотношении в доклассовых обществах рода и общины (Ю.И. Семенов, С.А. Токарев, В.М. Бахта, Н.А. Бутинов, В.Р. Кабо, Ю.В. Бромлей, Д.А. Ольдерогге, Ю.В. Маретин и др.). Наибольшее признание получила точка зрения на род и общину и связанные с ними линии эволюции как функциональные разные, но тем не менее взаимно пересекающиеся (уподобляющиеся друг другу) типы отношений, чья взаимосвязь становится основой общинно-родовых организмов. В сфере социальной истории аналогичное значение имело обсуждение вопросов о взаимоотношениях общинных организмов разных типов и уровней (родовой, сельской и промежуточной между ними земледельческой общины), традиционных и современных институтов в условиях колониального господства (проблема нестратегических структур).

Но главным результатом было признание того, что эволюция современного африканского общества не является повторением развития капитализма по его западному образцу. Это впервые по настоящему подняло теоретическое и практическое значение социохисторического подхода. Примерно с середины 70-х годов начали предприниматься попытки осмысления природы восточного общества как специфической социохисторической категории, не сводимой к определенному формационному типу. В африканистике появилось понятие колониального общества как особого типа социального развития, отличного от простого изживания родо-племенного общества на путях капиталистической эволюции¹⁾. Правда, это было скорее обобщение эмпирического уровня: оставалось неясным, в чем заключается специфика данного типа развития (осложненный тип формационного развития; исторический и переходящий результат контактов европейского, капиталистического и традиционного, афри-

1) Проблемы населения и хозяйства стран Африки. Л., 1973, с. 6; Социальные сдвиги в независимых странах Африки. М., 1977, с. II.

канского обществ; сложный, комбинированный тип, складывающийся из взаимодействия разных типов социальных организмов и форм общественной эволюции – локальной и всемирной, формационной и цивилизационной)? Постановке и решению этой проблемы в значительной степени мешало то, что сама природа развивающихся обществ в 70-е годы анализировалась в основном через призму социально-экономических категорий и подходов (концепции многоукладности, зависимого развития).

Действительное теоретическое самоопределение социисторического подхода можно отнести к первой половине 80-х годов, когда, с одной стороны, обнаружилась недостаточность концепций зависимого развития и многоукладности для понимания причин глубокого кризиса, охватившего африканское общество, а с другой, – внимание исследователей стали привлекать неформационные способы и направления развития, цивилизационная и культурная непрерывность развития, влияние на тип общества семейно-правовых традиций, плюрализм общественной организации африканских народов¹⁾. И с методологической точки зрения приоритет начал отдаваться не линейно-причинным методам исследования (от экономики к социальной структуре), а поиску в первую очередь целостных свойств социальных организмов в Африке²⁾.

Источники по теме работы достаточно разнообразны и содержательны. В соответствии с задачами и хронологическими рамками исследования их можно разделить на следующие группы:

I. Опубликованные исторические хроники местных народов, географические и исторические сочинения средневековых арабских авторов, описания европейских путешественников XIX в., дающие известное представление о степени и характере

1) Африка: культурное наследие и современность. М., 1985; Кочакова Н.Б. Рождение африканской цивилизации. М., 1986; Силищна И.Е. Человек и семья в Африке. М., 1989.

2) Кобишанов Ю.М. Мелконатуральное производство в общинно-кастовых системах Африки. М., 1982; Попов В.А. Ашантийцы в XIX в. Опыт этносоциологического исследования. М., 1982.

ре связей архаических локальных организмов с внешней исторической средой.

2. Сводны норм обычного права ряда народов Западной Африки, раскрывающие связь нормативно-правовых систем локальных социальных организмов с их хозяйственной жизнью, формами собственности, системами родства и культурными традициями.

3. Опубликованные в колониальный и послеколониальный периоды материалы полевых исследований зарубежных социологов. В этой группе источников много профессионально выполненных, весьма подробных и документированных обследований, содержащих ценные сведения о локальных этносоциальных организмах, их материально-хозяйственной основе, связях с внешней средой, институциональной организации и т.д. Эти материалы дают представления как о собственно архаических (традиционных) социальных образованиях и их "средовых" связях, так и о трансформации подобных структур в колониальный и послеколониальный периоды.

4. Официальные документы и материалы правительств и правительственных учреждений независимых государств региона. Для разработки темы диссертации эта группа источников имеет в основном вспомогательное значение. Она привлекалась для характеристики экономических и социальных параметров формирующихся национально-государственных организмов и взаимоотношений их о мировым капиталистическим хозяйством.

Структура и содержание работы. Диссертация состоит из введения, семи глав и заключения.

Во введении обосновывается актуальность избранной темы, определяются предмет исследования и его хронологические рамки, сформулированы цели и задачи работы, раскрыты методологическая и теоретическая основа, научная и практическая значимость диссертации, дан критический анализ источников и литературы.

В первой главе определяется проблемное поле исследования и формулируется изложенная выше гипотеза существования антропонозов.

Потребность в специальном определении проблемного поля исследования вызвана тем, что вопросы взаимоотношений человека, общества и среды приобретают сейчас весьма широкое обще-

научное значение. Поэтому прежде чем исследовать эти взаимоотношения в конкретно-историческом плане, надо отчетливо представить, в рамках какого круга исторических проблем и представлений лежат основная тема и гипотеза работы. Идя от общего к частному, можно выделить три круга таких представлений, отражающих новейшие тенденции в развитии мировой исторической науки. Они и составляют проблемное поле диссертации.

Первый круг вопросов включает комплекс проблем разнообразия мирового исторического процесса. Это предельно широкое пространство исторической трактовки проблемы "общество-среда"; рамки его определяются не только ростом значения исторического знания как такового, но, как справедливо указывают некоторые советские исследователи, углублением исторического сознания человечества — глобальным осознанием жизненно важной роли культурно-исторических общностей как специфических, локально-неповторимых форм общечеловеческого опыта.

Второй круг проблем относится к собственно историческому знанию. Он включает комплекс вопросов синхронного развития разнородных макроисторических образований — формаций и цивилизаций. Формирует и организует это проблемное поле принцип самостоятельности конкретно-исторического знания, несводимости его к общесоциологическим закономерностям. Процесс самоопределения конкретно-исторического знания набирает силу в советском обществознании. В наиболее важных и перспективных своих аспектах это знание развивается сейчас в виде новых, многомерных подходов к историческому процессу. Они активно формируют свое собственное теоретическое пространство, в котором переоцениваются многие традиционные вопросы формационного развития и возникают новые. При этом идея разнообразия исторического процесса наполняется все более глубоким, сущностным содержанием: от выделения многоукладности, разнородности социально-экономических структур как жизненного условия существования и развития любой формации, через признание в качестве важнейшей особенности развития той или иной формации ее сосуществования и взаимодействия с другими формациями, к постановке проблемы синтеза социального и культурного, формаций и цивилизаций и к выводу об альтернативной, вероятностной природе любой формы социально-

го движения.

Третий круг вопросов включает проблемы единства и разнообразия современных развивающихся стран. В советской научной литературе это проблемное поле выделяется в связи с вопросами становления, дифференциации и дальнейшей эволюции общности стран "третьего мира". Как специфическая область исследований этот круг вопросов воспроизводит в концентрированном виде весь спектр современных проблем глобального исторического мышления и научного конкретно-исторического знания. С другой стороны, становление многомерного представления об историческом процессе в огромной степени обязано изучению именно развивающегося мира. В советском обществознании развитию многомерного подхода способствовала разработка специфической парадигмы "третьего мира", которая первоначально состояла из комплекса идей переходности, многоукладности и зависимого развития, а в 70-80-е годы приобрела более сложный характер в связи с появлением новых концептуальных обобщений — дуальности капиталистического развития Востока, межформационного синтеза как основы восточного общества, дуализма "третьего мира" как специфического миросистемного образования. В главе анализируется значение этих идей с точки зрения развития системной характеристики "третьего мира", ее постепенной "историзации" и выхода к проблеме самоорганизующихся социоисторических структур.

Таким образом, идея антропоценозов принадлежит к новому проблемному пространству исторической науки. Эта идея реализуется как принцип нового (исторического) мышления, одна из форм самоопределения конкретно-исторического знания, способ изучения исторических структур "третьего мира" как синтеза разнородных формационных и цивилизационных, глобальных и локальных образований.

В главах второй и третьей рассматриваются основные особенности и этапы становления первичных антропоценозов (основанных на нерасчлененном или слабо дифференцированном единстве локальных общинных организмов и внутренней, природно-социальной среды). В главе второй анализируются факты материальной и духовной культуры народов Западной Африки, которые доказывают необходимость и возможность изучения развития местных архаических обществ как постоянного и эффективного диалога

традиционной культуры с внутренней и внешней исторической средой. Сначала рассматривается роль в организации архаических обществ среды (прямые "средовые" связи), затем — значение в организации среды социокультурных особенностей этих организмов (обратные связи).

До сих пор нет ясности в определении характера внутренней исторической среды местных общинных образований архаического типа. Одни исследователи склонны отождествлять ее формирование с развитием общественного производства ("техносферой") по аналогии с развитыми культурно-хозяйственными комплексами Европы и Азии, другие — с культурной организацией социального пространства этих обществ, с воплощенной в ней нормативно-ценностной моделью мира, третьи — с экологической системой, основанной на равновесии хозяйственной деятельности, плотности населения и естественно-природных условий. Диссертант обосновывает отличный от этих точек зрения взгляд на внутреннюю среду местных традиционных обществ как на специфические, дифференцированные в пространстве и времени человекоприродные или природносоциальные системы. Материально-хозяйственное ядро их составляли культурные биогеоценозы (агроценозы), основанные на развитии общности элементов природной и хозяйственной среды (растений, почв, способов их обработки, социальной организации хозяйства и т.д.).

Роль социальной деятельности в подобных человекоприродных "машинах" постепенно возрастала, они становились все более неравновесными, зависящими от большого числа факторов, и вероятностными — способными удержать или, в силу возможных ошибок, а также изменения климатических условий, нарушить экологический баланс природносоциальной среды. Тем не менее общей особенностью этих систем являлось то, что труд играл в них роль скорее регулирующего или управляющего начала по отношению к природным процессам. В результате развитие общественного способа производства происходило непосредственно в форме адаптационной (социокультурной деятельности), регулировалось присущими ей ограничениями и оказывалось органически связанным с локально-неповторимыми чертами культурно-хозяйственных комплексов (локальный способ производства).

Помимо природносоциальных условий (первичной исторической

среды) в формировании и самоорганизации традиционных социальных организмов Западной Африки большую и все возрастающую роль в доколониальный период играло развитие сферы социокультурного общения (вторичной исторической среды). В советской и зарубежной африканистике роль вторичной среды в истории доколониальной Западной Африки отождествляется всецело с контактами местной первобытной периферии и цивилизаций Северной Африки. В результате сама эта среда понимается в основном как внешняя, а социокультурные связи — как взаимодействие разных общественных систем. По мнению диссертанта, взаимодействие обществ "центра" и суданской периферии (транссахарская торговля, миграция населения, религиозное и политическое общение) уже в глубокой древности приобрело характер мощных социокультурных потоков. Эти потоки со временем сами становились особо важной исторической средой, в которой формировалась специфическая общность элементов мира ислама и мира архаических общинных микрокосмов. В результате историческая среда местных социальных организмов оказывалась еще более неравновесной, вероятностной, построенной на колеблющемся балансе "универсального" и "локального", элементов первобытности и начал цивилизации.

Вместе с тем и в этих условиях, несмотря на разнородность и разнокачественность местной исторической среды, ее организация происходила в основном на базе местных социальных организмов. Эти организмы, благодаря сложной системе обратных связей, довольно эффективно регулировали в интересах выживания и роста общинных структур сильное неравновесие исторической среды, потоковое движение социокультурной информации. Анализируются основные особенности и тенденции развития этих связей, превращавших амбивалентную и колеблющуюся среду развития в эффективно регулируемый социальный порядок. Особо важное значение имело замещение неразвитой "техносферы" высокоорганизованными знаковыми системами дописменной культуры ("языком" пространства, времени, общения) в качестве первостепенного по важности материального субстрата локальных организмов.

В главе третьей общность локальных организмов и исторической среды рассматривается под углом зрения ведущей роли в истории особых (неравновесных и вероятностных) механизмов развития. Западноафриканское традиционное общество предстает,

с одной стороны, как специфическая и довольно эффективная форма приспособления локальных организмов к неравновесным условиям среды, с другой – как способ использования неравновесности среды для выхода локальных организмов за рамки их собственных, естественно-исторических возможностей эволюции (бифуркационный механизм).

Внешним выражением антропоценозов как особого механизма развития архаических обществ являлась асинхронность (астадиальность) изживания общинно-родовых строя и становления государства и классов. Подчеркивается неравновесное состояние общинных структур в качестве основной черты их развития. По мере усложнения этих структур их историческое состояние как бы раздваивалось: одно продолжало тяготеть к отношениям естественно-социальной общности, т.е. целиком оставалось в рамках архаической социальной организации, другое же характеризовалось постепенным переходом к территориальному типу общественной организации.

Значение антропоценоза как особого механизма развития заключалось в этих условиях в поддержании такого уровня неравновесности, неоднородности внутренней среды общины, при котором возникал наибольший кооперативный (синергетический) эффект от взаимодействия неоднородных элементов среды, обеспечивающий большую надежность, более гарантированное существование локального организма по сравнению с условиями более однородной исторической среды. Подобный эффект в местных архаических обществах обычно достигался за счет варьирования – укрупнения или, наоборот, разукрупнения (сегментации) отдельных локальных организмов, большей или меньшей их социокультурной интеграции. В результате появлялись возможности развития производительных сил при общей слабости их технической базы, увеличения массы прибавочного продукта при низкой общественной производительности труда, развития элементов социокультурной универсальности при ограниченной, локальной базе общения.

Антропоценозная природа традиционных общинных образований как непосредственного единства природно-хозяйственной среды и социокультурных организмов проявлялась непосредственно и наглядно во многих особенностях мифологического мышления и, особенно, в его склонности учитывать и фетишизировать неравновесие

взаимодействующих вещей, явлений, событий окружающего мира, представляя это взаимодействие как борьбу или согласованное действие разных по потенциалу и значению жизненных сил. Как подчеркивается в диссертации, рациональное содержание традиционных норм и стереотипов поведения может быть понято только с учетом активной ориентации этого поведения на принципы функционирования неравновесных систем и нелинейного развития, т.е. на организацию общества непосредственно в форме антропоценоза.

Главы четвертая и пятая посвящены колониальному этапу в развитии взаимоотношений местных социокультурных организмов и исторической среды.

Характерные для этого этапа колониальные структуры общества рассматриваются как новая – более высокая и конфликтная – ступень объединения разнородных социальных организмов по признаку общности исторической среды и соответственно как новая ступень неравновесного, нелинейного развития. Трактовка колониальных структур как ценозных образований (объединенных общностью среды, а не стадияльной однотипностью социальных организмов) позволяет решить несколько задач:

1. Полнее отразить радикальное изменение исторической среды развития локальных африканских организмов в результате складывания мировой капиталистической системы, экономической экспансии капитализма и колониального раздела его периферии. Региональная общность стран и народов начинает генерироваться всемирной историей, мироисторической средой.

2. Точнее представить организацию колониальных структур как качественно новый по сложности и неоднородности уровень развития антропоценозов. Эти структуры приобретают новую мироисторическую ось "средовых" взаимосвязей: от общинных организмов и локальных цивилизаций до имперских (колониальных) обществ и имперских мироисторических структур (системы "метрополия-колония").

3. Глубже выявить конфликтный характер развития колониальных структур как специфических ценозных систем, построенных на взаимоотталкивающихся принципах организации исторической среды. Принципом имперских структур было превращение традиционных африканских обществ во внутреннюю среду колониальной

системы, принцип локальных организмов (федераций общин, этносов, государств) – сопротивление агрессивной внешней среде и адаптация к ней, а затем отделение от нее по "оси" мироисторических связей.

4. Уловить в конфликтах колониальной эпохи более глубокие (мироисторические) тенденции антропоценозного развития, дифференцирующегося в эпоху капитализма на две относительно самостоятельные ветви – формационную и цивилизационную (вторичные антропоценозы). Колониальные структуры Западной Африки – яркий пример асинхронности приобщения периферии мирового капитализма к двум ветвям развития "второй" природы: вовлечение в капиталистическую формацию без адекватного развития цивилизационных предпосылок, обусловленных амансипацией человека от природы и естественно-социальных общностей.

5. Обосновать мысль о том, что и в колониальную эпоху механизмы развития местных обществ сохраняли в целом африканский характер, оказываясь в то же время в состоянии бифуркации, ветвления истории, резких и многонаправленных стадийных переходов. В конфликтных и катастрофических ситуациях колониального периода происходила мобилизация резервов традиционных антропоценозных систем, эти системы включали в действие дополнительные ресурсы выживания (рост и миграции населения, товаризация обмена, универсализация культуры и т.д.) и самонастраивались на выполнение альтернативных (традиционных) функций. При сужении возможностей выбора путей политического развития общества пространство человеческой свободы расширялось.

В диссертации акцентируются исторические параметры формирования колониальной разновидности антропоценозов (в основном в их региональных рамках): предпосылки, генезис, развитие на собственной основе, локальные формы и разновидности.

В четвертой главе, посвященной предколониальным и раннеколониальным обществам, исследуются предпосылки и генезис антропоценозов колониального типа. Предпосылками их образования (на региональном уровне) стали резкие и необратимые изменения вторичной среды развития местных обществ в связи с перестройкой (начиная с XVI–XVII вв.) системы торгово-экономических связей Запада и Востока. Важное значение имели падение

центральной роли Марокко в транссахарской торговле, смещение основных ее путей далеко на восток, начавшееся торговое освоение европейцами Западного побережья Африки. Общее усиление неравновесности вторичной среды создало условия для резких стадийных переходов локальных организмов и их политических объединений (падение державы Сонгай, возвышение халифата Соко-то и феодализация его основных структур), что, в свою очередь, дестабилизировало экономическую и политическую ситуацию в регионе. Вызванная этими изменениями адаптационная перестройка местных общественных систем оказалась во многом неблагоприятной для первичных антропоценозов: в них усиливались элементы одностороннего приспособления к внешней среде (работоторговля, войны, иерархизация правящей верхушки) и падало значение хозяйственных и культурных факторов развития внутренней среды локальных организмов.

Генетической основой новых антропоценозов явились контакты европейцев с местными народами, поначалу очень редкие, а затем широко распространившиеся "точки соприкосновения" традиционных локальных организмов с одной из первоначальных торговых сфер становящегося капитализма – сферой атлантической работоторговли. Однако динамика и результаты этого взаимодействия определялись не столько самими контактами, сколько разностью потенциалов (экономических, политических, культурных) контактирующих европейских и африканских обществ. Благодаря этому в сфере контактов европейского торгового капитала и архаических традиционных организмов возникало качественное новое и способное к саморазвитию явление – вещественные и культурно-информационные потоки, потоковые системы исторических связей. Иначе говоря, наряду с более или менее одномерными (стадийно) историческими образованиями, участвовавшими в контактах, – европейским торговым капиталом, архаическими общинными организациями, возникала "третья" историческая реальность – сфера взаимосвязанных потоков товаров и информации, прямых и обратных связей разноформационных систем. Законы стадийного развития в этой сфере значили меньше, чем законы самоорганизующегося, неравновесного и нелинейного развития. Анализируются конкретные формы и особенности подобной самоорганизации: работоторговые государства-посредники и вестернизированные локальные организ-

ми, созданные во второй половине XIX в. африканскими реэмигрантами. Первые определяются как предколониальные общества (самоорганизация африканского общества в международной рабочей среде), вторые – как общества раннеколониальные (самоорганизация периферийных ответвлений буржуазного общества в традиционной африканской среде).

В главе пятой, посвященной развитию западноафриканского варианта колониальных структур, рассматривается развитие антропоценозов колониального типа на их собственной основе – на базе "средовых" связей "метрополия-колония", "имперское общество-локальный (африканский) социальный организм". В центре внимания – конфликтная динамика этого процесса: с одной стороны, постепенная локализация имперских структур в процессе их адаптации к условиям локальной среды, разрушение культурного пространства этой среды (десакрализация африканской культуры), с другой – обратный процесс "укрупнения" локальных общественных единиц, объединения их – через этническое, национально-политическое, цивилизационное, международное развитие – в ценностные общности регионального и мироисторического уровня и восстановление в новых формах культурного пространства местных социальных организмов. Важнейшей особенностью колониальных структур как ценозных систем являлось то, что в их рамках разнородные исторические формы (социально-экономические уклады, общности, институты) могли приобретать общие черты, функционировать в общем режиме развития (процесс или этап конвергенции ценозных образований), и, наоборот, даже типологически идентичные формы оказывались способными к стадийному и структурному разделению (процесс или этап дивергенции). Так, в рамках имперских структур локальные группы общинного (докрестьянского) населения могли приобретать черты класса крестьянства, докапиталистические и даже дотоварные уклады – выступать в оболочке капиталистических отношений; в то же время по отношению к локальным организмам у разных и даже антагонистических социальных слоев могли возникать общие признаки и интересы. В зависимости от колебаний потенциалов отдельных частей колониальных структур направления их развития варьировали в сравнительно широком диапазоне исторических возможностей (от колониально-феодалных структур и колониального абсолютизма до ко-

лониально-капиталистического развития).

Исходя из этого, ставится вопрос о средовых связях (потоках) внутри колониальных структур как о специфической форме их самоорганизации и саморазвития. Поскольку эти структуры обычно сводятся к разноформационным элементам и доминированию имперских общественных образований над локальными организмами, то подобный вопрос обычно не возникает. Между тем эти образования развивались в сложной системе прямых и обратных общественных потоков, достигших уже в межвоенный период региональных масштабов. В разных условиях эти потоки (движение капиталов, товаров, населения, религиозно-культурной информации) могли порождать тенденции и к радикальной трансформации колониальных структур, и к консервации их составных частей, и к мобилизации резервов адаптации. Колебаясь относительно друг друга в сравнительно стабильном режиме, эти потоки становились важнейшим и самостоятельным фактором самоорганизации и саморазвития не только локальных социальных организмов, но и колониальных обществ в целом, несмотря на ограничения и стеснения общественных движений со стороны колониальных режимов. К концу колониального периода возможности развития этих обществ определялись уже не столько имперскими структурами как таковыми, сколько стихийно сложившимся механизмом взаимодействия внутренних и внешних общественных потоков – мобилизацией резервов первичных антропоценозов (природных, человеческих, культурных) и использованием их в международных процессах накопления капитала и во внутренних процессах расширенного воспроизводства населения. В результате и конфликтное развитие колониальных структур приобретало во многом колеблющийся, волнообразный характер: мобилизация резервов локальных организмов содействовало более интенсивному развитию колониальных обществ и наоборот.

Как самоорганизующаяся система колониальное общество все более выделялось из внешней среды. Этот процесс достиг высшей точки (точки бифуркации) в период национально-освободительных революций.

Основная проблема шестой главы – историческое значение развития ценозных систем Западной Африки в период независимости. Отмечаются дальнейшее усложнение этих систем, которые включают в себя сейчас огромное число составляющих разной простран-

ственной и временной протяженности, значительное усиление над-
локальных (региональных и глобальных) форм существования со-
циума, как правило, отчужденных от собственно африканских эт-
носоциальных организмов, растущее значение общественных цено-
зов для выживания местных социальных организмов. Весьма неод-
нородной и неустойчивой стала система прямых связей этих сис-
тем (развитие многоукладности, интеграция региона в мировое
капиталистическое хозяйство в 60-70-х годах и дезинтеграция
международных экономических связей ряда стран в 80-х годах).
В свою очередь, в связи с усложнением структуры африканских
социумов дифференцировалась сфера обратных связей антропоцено-
зов: выделились "блоки" этнических (этноконфессиональных), на-
ционально-политических, цивилизационных, международных связей.
Еще больше заявил о себе потоковый принцип развития и взаимо-
действия этих связей.

Выделяются и анализируются два основных этапа развития
постколониальных антропоценозов: этап относительной конверген-
ции разноформационных и разноцивилизационных структур региона
(60-70-е годы) и этап их постепенной дивергенции (конец 70-х -
начало 80-х годов). Основной движущей силой процессов конвер-
генции стало возвышение национальных государств, занявших мес-
то имперских обществ и переключивших на себя значительную
часть обратных связей локальных организмов. Рассматриваются
основные коллизии этих процессов: этатизация основных общес-
твенных структур и параллельно с этим перенесение разнообразных
форм локальных связей на централизованные государственные
структуры, известная адаптация африканских обществ к междуна-
родным процессам накопления капитала и в то же время фрагмента-
ция капиталистического способа производства внутри региона.
Высказывается мысль об этатистских структурах местного общества
как о вершечных, искусственных ценозных образованиях, ориенти-
рованных на снижение уровня самоорганизации общества, канали-
зацию (или блокирование) наиболее активных сил (потоков) раз-
вития внутренней среды.

Переломное значение имеет современный этап развития антро-
поценозных систем (этап дивергенции). Его отличает кризисное
по своим проявлениям снижение общего уровня кооперативного
взаимодействия разных частей постколониальных ценозов - цент-

ров капитализма и африканских экономик, региональных формаци-
онных и цивилизационных общностей, национальных государств и
локальных социальных организмов, капиталистических и докапи-
талистических социально-экономических структур; увеличивается
разнообразие свойств, состояний, направлений развития, возник-
кает потребность в перестройке или замене прежних общественных
структур. Деструктивные явления и дефекты развития в первой
половине 80-х годов накапливались быстрее всего в экономичес-
кой сфере. Однако распространенная характеристика современного
этапа исторических изменений как экономического спада или
кризиса развития африканских стран кажется недостаточной. По
мнению диссертанта, кризисное состояние в регионе переживает
вся сфера отношений сложившихся в XX в. систем социальных ор-
ганизмов с быстро изменяющейся внутренней и внешней средой.
Поэтому, несмотря на всю важность экономических проблем, не
менее (а, возможно, и более) важны исторические параметры кри-
зиса.

Непосредственные исторические реалии кризиса видятся в
перегрузке, истощении и разрушении африканских природносоциаль-
ных систем как унаследованной основы воспроизводства населения
и капитала, в снижении адаптируемости африканских обществ к ка-
чественно новой, глобальной среде развития, в неаффективности
чисто экономических стратегий преодоления отсталости африкан-
ских стран. В более широком плане можно говорить о кризисе гос-
подствовавших до сих пор форм универсализации развития афри-
канских центропоценозов, при которых действительно универ-
сальной силой развития становилось господство капитала над
природносоциальными системами, но не заложенный в этих систе-
мах общечеловеческий потенциал эволюции - единство человека и
биосферы.

Подчеркивается вероятностный и многонаправленный характер
процессов дивергенции, их стихийный характер. Однако для миро-
вого сообщества не безразлично, в каком интервале возможностей
развития и с какими последствиями для местных социальных орга-
низмов установится в перспективе новый уровень самоорганизации
африканского общества. Существует вероятность того, что новое
взаимодействие мировых и региональных общественно-экономичес-
ких потоков установит такой уровень организации общества, кото-

рый исключит возможность нормального выживания и развития собственно африканских (локальных) структур "среда-социальный организм"; это могло бы иметь резко отрицательные последствия и для африканского общества (сокращение собственных ресурсов выживания), и для человеческой цивилизации в целом (сокращение культурного генофонда человечества). Поэтому важное, поистине глобальное значение приобретает сейчас отбор эффективных вариантов и путей общественной эволюции континента. Обосновывается мнение, что многие нынешние "дефекты" африканских антропоценозов (избыточное воспроизводство трудовых ресурсов, низкая техническая вооруженность сельского хозяйства, важное значение локальных связей и способов деятельности, ориентация традиционной африканской культуры в основном на "жизненные потоки" — на генеративные формы деятельности, а не на универсальные, нормы и ценности) не обязательно должны приводить к уменьшению адаптивных свойств локальных организмов. Делается вывод, что "дефекты" могут стать и фактором выживания этнокультурных общностей и локальных цивилизаций региона; условием этого является, однако, быстрое развитие в общественных ценозах нового типа обратный связей (нового типа антропоценозов), ориентированных на жизнедеятельность людей, на единство человека и биосферы.

В седьмой главе делается попытка концептуального обобщения результатов исследования на уровне общей теории исторического процесса. При этом выясняется, в какой степени понятие антропоценозов может способствовать дальнейшему развитию общей теории исторического процесса и его ключевых категорий (способ производства, формация, цивилизация, неформационное и постцивилизационное развитие) на основе конкретно-исторического знания.

В заключении диссертации обобщены главные результаты исследования. Подчеркиваются несводимость взаимодействия внутренних и внешних факторов в истории Западной Африки к проблеме контактов местных обществ с внешним миром, колеблющийся (волнообразный) характер процессов адаптации и самоорганизации региональных систем локальных организмов, реализация этих процессов в вероятностных формах исторического развития.

Практическая значимость работы. Основные выводы и положения диссертации могут быть использованы в комплексных прогнозах общественного развития Африки, в научных анализах и в разработке стратегий развития африканских стран. Работа может представлять интерес для историков и социологов, разрабатывающих проблемы культурной и исторической экологии, для культурологов, исследующих адаптивную деятельность человека, для специалистов по проблемам методологии истории.

Апробация исследования. Диссертация обсуждалась на заседаниях сектора проблем социального развития Института Африки АН СССР и отдела общетеоретических проблем социально-политического развития стран Азии и Северной Африки Института востоковедения АН СССР. По теме диссертации автором были сделаны доклады на IV и V Всесоюзных конференциях африканистов, на советско-английской конференции "круглого стола" по проблемам развития капитализма в Нигерии и Кении (Оксфорд, 1989 г.).

Основные труды, опубликованные по теме диссертации

Монографии

1. Хаусанские эмираты Северной Нигерии. Хозяйство и общественно-политический строй. М., 1974, 20 а.л.
2. Формирование социально-экономической структуры современной Нигерии. М., 1984, 20 а.л.
3. История Нигерии в новое и новейшее время. М., 1981, 23 а.л. (Отв. редактор, совместно с Ю.Н.Зотовой).

Разделы в коллективных трудах

4. Колониальное общество. Некоторые проблемы развития и воспроизводства многоукладности. — Африка. Возникновение отсталости и пути развития. М., 1974, 7 а.л.
5. Африканское крестьянство: тенденции развития. — Социальные сдвиги в независимых странах Африки. М., 1977, 2 а.л. (совместно с Ю.М.Кобищановым).
6. Земледельческая община в Западной Африке: хозяйственная и социальная структура. — Община в Африке. Проблемы типологии. М., 1978, 4 а.л.
7. Роль государственного сектора и его социально-экономическая природа. — Нигерия. Современный этап развития. М., 1978, 3 а.л.

8. Ислам в Нигерии. - "Ислам в Западной Африке". М., 1988, 2 а.л.

Статьи, тезисы

9. Община у современных хауса (Северная Нигерия и Нигер. - "Советская этнография", 1966, № 3 (I а.л.).

10. Прогресс в плену прошлого. - "Азия и Африка сегодня", 1967, № 4 (0,5 а.л.).

11. Экономическое развитие и государство. - "Азия и Африка сегодня", 1973, № 6 (0,5 а.л.).

12. Революционные преобразования в освободившихся странах и ленинские принципы "новой экономической политики". - В сб. "Закономерности и специфика развития революционного процесса в освободившихся странах Африки и Азии". М., 1985 (0,3 а.л.).

13. Собственность и власть в Нигерии. - В сб. "Нигерия. Власть и политика". М., 1988 (2 а.л.).

14. Этноконфессиональные исследования: проблема междисциплинарности. - В сб. "Этноконфессиональные процессы в современном мире". Баку, 1989 (0,5 а.л.).

15. Характер общественной эволюции в условиях капиталистически ориентированного развития. - Африка в 80-е годы: итоги и перспективы развития. IV Всесоюзная конференция африканистов. Вып.П. М., 1984 (0,2 а.л.).

16. Марксистская теория общественных формаций и историческое развитие африканских обществ (проблема общего-особенного-единичного). - Новое мышление и Африка. V Всесоюзная конференция африканистов. М., 1989 (0,2 а.л.).

Рецензии

17. На монографию И.Е.Синицкой "Обычай и обычное право в Африке" (М., 1978). - "Народы Азии и Африки", 1980, № 2 (0,5 а.л.).

18. На монографию "Развивающиеся страны в современном мире: единство и многообразие" (М., 1983). - "Народы Азии и Африки", 1986, № 5 (I а.л.).

19. Выступление на обсуждении книги "Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного" (М., 1984). - "Народы Азии и Африки", 1987, № 2 (0,5 а.л.).

И. Сидоров